

России — по рекомендации В. Бондаренко, отметившего: «Можно соглашаться или не соглашаться с авторской трактовкой исторических событий и поступков тех или иных героев, манерой письма Климова, методикой его подхода к оценке жизненных явлений, но я уверен в одном: каждый из нас, прочитав книгу, узнает что-то новое». (Бондаренко В.— С. 717).

Тексты К. вошли одной из составных частей в весьма эклектичное мировоззрение образованного читателя постсоветской эпохи. Выражение «климовский тип» стало нарицательным наименованием человека, несущего на себе печать вырождения.

Соч.: СС: в 6 т. Краснодар, 1994—99; Мои книги делают доброе дело // День лит.-ры. 2003. № 5(81). С. 7.

Лит: Дудаков С. Ю. История одного мифа. М., 1993. С. 223—228; Могутин Я. 30 интервью. СПб., 2001. С. 183—225; Лимонов Э. Первое интервью // Лимонов Э. В. Великая мать любви. СПб., 2002. С. 170—181; Бондаренко В. Г. Пламенные реакционеры. М., 2003. С. 708—719; Щербатов А. П. Право на прошлое. М., 2005. С. 340.

М. П. Лепехин

КЛЫЧКОВ Сергей Антонович [5(17).7. 1889, д. Дубровка Калязинского у. Тверской губ.— 8.10.1937, Москва, Лефортовская тюрьма] — поэт, прозаик, переводчик.

Родился в старообрядческой крестьянской семье, занимавшейся кустарным баш-

С. А. Клычков

мачным промыслом. Истоки своего творчества связывает с одаренностью родителей: «...языком обязан лесной бабке Авдоть, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему Антону Никитичу...» (**Автобиография** // Клычков С. Серый барин. Харьков, 1927), а также с «лесной» природой, где протекало детство. Символично, что К. и родился в лесу (молодая мать, не уяснив по неопытности сроков, отправилась в день родов с лукошком в лес за малиной...). Как «дитя природы», К. был играллием чудесных, роковых сил: его понимали животные, не кусали пчелы, постоянно выручал счастливый случай; рожденный под предрасполагающим к лунатизму созвездием Рака, он и впрямь был подвержен в детстве этому загадочному недугу, как в значительной мере подвержена ему и лирика К. Отличался К. и выразительной внешностью — стройный, высокий, с крупными чертами цыганского лица, он производил неотразимое впечатление на женщин. А. Ахматова высказывалась о нем как о «своеобразном поэте. И ослепительной красоты человеке» (Глекин Г. Что мне дано было... // РО РНБ. Незданные воспоминания об А. Ахматовой). Др. современник о молодом К. позже писал: «Яркой внешностью и щедрой душевностью Сергей привлекал к себе и чаровал. Он был тогда светел и радостен. Он был единственным в своем роде» (П. Журов). Прочувшись в талдомской земской школе, К. поступает в 1900 в московское реальное училище И. И. Фидлера, где учится до 1906. Стихи («больше про домашних и про леших» — Автобиография) начинает писать еще в сельской школе; первые публикации — в ж. Московского ун-та «На распутье» — посвящены революции («**Мужик поднялся**», «**Гимн свободе**» и др.). К. и сам в 1905 был участником боевой дружины, выступавшей на Арбате. В 1907 публикуется в альм. «Сполохи», «Белый камень», «Вестник общества „Самообразование“» (стихи и проза). В 1908 при содействии М. И. Чайковского (брата композитора) уезжает ненадолго в Италию, где на Капри встречается с М. Горьким и А. Луначарским. Осенью того же года поступает на историко-филол. ф-т Московского ун-та, окончить который, однако, не удается как по причине материальной необеспеченности, так и из-за творческой одержимости, которая отвлекала начинающего поэта от систематических занятий. В конце 1910-х (с указанием — 1911) выходит первый сб. К. «**Песни**» (М., изд-во «Альциона»), на который откликаются Н. Гу-

милев, В. Брюсов, М. Волошин, С. Городецкий. В 1911 в московском альм. «Антология» печатаются еще 7 его новых произведений. К этому времени он уже знаком с И. Буниным (высоко оценившим его стихи), С. Соловьевым, сводит дружбу с Б. Садовским, Л. Столицей, С. Городецким, посещает символистский кружок Эллиса у скульптора К. Крахта.

В авг. 1913 выходит вторая книга лирики К. **«Потаенный сад»**, дающая в совокупности с первой основательный повод говорить об оригинальности его стихов. Поэзия К. проникнута ощущением глубокой гармонии между человеком и природой, еще не нарушенной катаклизмами трагического и жестокого XX в. Именно это и отмечалось прежде всего в критических отзывах: «Клычков — прелестный и нежный поэт. У него безупречная рифма, певучая легкость стиха, непринужденная песенность размеров... Все это молодо, свежо, радостно и так странно на фоне наших серых дней» (Полонский Вяч. С. Клычков. «Потаенный сад» [рец.] // Новая жизнь. 1913. № 12); «Здоровым ароматом деревенской шири и черноземных полей веет от простых и ясных строк Сергея Клычкова» (Смельский В. С. Клычков. «Потаенный сад» (рец.) // День. 1913. 23 сент.). Этот же рецензент писал, что не только понимание природы, «но почти стихийное, первобытное слияние с ней» обнаруживает здесь поэт. Стихи К. печатаются в ж. «Совр. мир», «Северные записки», «Новое вино», «Ежемесячный ж.», «Заветы», «Наша зоря».

В июле 1914 (с началом общей мобилизации на войну с Германией) К. призывается в армию и направляется сначала в Гельсингфорс (Хельсинки), а затем, по окончании там школы прапорщиков, — в действующую армию. Как поэт К. отзывался на войну в основном лишь «пустыней души», лирическим безмолвием. Материалом для его творчества она станет позже — в прозе. Заочно он уже знаком с Клюевым и Есениным и составляет вместе с ними ядро новокрестьянской поэзии; 25 окт. 1915 его стихи за отсутствием автора читает С. Городецкий на вечеру лит. группы «Краса» (Петроград). Революцию 1917 встречает в Петрограде вместе с др. поэтами «крестьянской купницы», с которыми его отныне будет связывать большая личная дружба и общая трагическая судьба. Вместе с ними он печатается здесь в эсеровской газ. «Дело народа». Переехав в 1918 в Москву, он поступает на службу в канцелярию московского Пролеткульта, занимающего особняк Морозовых на Воздвиженке, где находится угол и для него самого и куда к нему подсея-

ется приехавший из Петрограда Есенин. В том же году вместе с С. Есениным, А. Белым, П. Орешиним он создает книгоиздательство «Московская трудовая артель художников слова» (МТАХС), в котором выходят четыре сб. его стихов: «Потаенный сад» (переизд.), **«Бова»**, **«Дубравна»** (1918, выходил еще раз в 1919), **«Кольцо Лады»** (1919). А. Воронский советовал в те годы современнику послушать стихи К., дабы почувствовать, «как говорит Русь шестнадцатого века» (Зелинский К. На рубеже двух эпох. М., 1962. С. 182). Стихи К. этого периода отличаются богатством элементов календарно-обрядовой и игровой поэзии языческого прошлого. Поворотной книгой К. становится вошедший в себя стихи середины 1910-х сб. «Дубравна». Здесь поэт прощался с очарованным миром крестьянской жизни перед вторжением в него урбанизации (**«Над полем туманит, туманит...»**, 1914). Задолго до Есенина в этих стихах зазвучал мотив панихиды по русской деревне: «Слушай, сердце, по вечеру слушай / Похоронную песню берез!..» (**«Лес шумит и шумит, опадая...»**, 1914). Есенин в своем трактате «Ключи Марии» (1918) назвал К. «истинно прекрасным народным поэтом». Говоря о некоем глобальном прощании человека и всего живущего на земле со своим исконным местом обитания, Есенин использовал «прощальные» образы сб. «Дубравна».

В 1922 К. становится секретарем отдела прозы в руководимом А. Воронским ж. «Красная новь». 1923 — новая книга лирики **«Домашние песни»**. Если в предшествующих произведениях К. предстал утонченно-отрешенным от житейской обыденности, поэтом грезы, то в «Домашних песнях» выступает крепким деревенским парнем. На смену романам с русалками и Ладами в его лирику входит настоящая земная любовь со всеми перипетиями своих радостей и горестей. Спасительная гармония с природой, в которой поэт пребывал прежде, становится теперь, наоборот, лишь мечтой, надеждой на прибежище от жизненной суеты (**«Надела платье белое из шелка...»**, 1922). Отошедшей в мир этой же грезы оказывается уже и сама Русь (**«Улюсь»**, 1922). В эти годы К. напряженно размышляет о смысле происходящего в России, связывая это с вечными вопросами бытия: жизни, смерти, искусства. Сохранилась, в частности, его записка к А. Белому с набросанными на ней мучившими поэта вопросами: «Что важнее сейчас, жизнь или искусство? Что гибнет сейчас, жизнь (старая, новая или даже, может быть (уже зара-

нее), будущая), или искусство (то же)?.. Что нужно спасать, себя, декрет или искусство?» (ЦГАЛИ. Ф. 53). В «Домашних песнях», как и в последующих книгах поэта, результат подобных размышлений оказывался пессимистическим: «Как на покойницу убор, / Легла на землю тень от плахи» («**Среди людей мне страшно жить...**», 1922). Печальные раздумья углубляются в следующей книге поэта «**Талисман**» (1927), частью состоящей из стихов прежних книг, а частью — новых. С усилением реалистического взгляда поэта на окружающее усиливается здесь и мотив конфликтного состояния мира (оскудение природы и души человека, экологическая угроза). В 1930 выходит последняя лирическая книга К. «**В гостях у журавлей**». Всему сложному, противоречивому и зыбкому, что существует в жизни, К. противопоставляет великую правду природы («**Мы отошли с путей природы...**», 1926). В 1930-е К. был создан (уже не для печати, а только «в стол») наиболее трагический цикл — «**Заклятие смерти**». Он был посвящен судьбе русского крестьянства и общему уделу человеческого существования. Цикл «Заклятие смерти», как и др. стихи К. 1930-х, в частности любовная лирика («**Не знаю, друг, с тоски ли, с лени...**», «**Как не любить румянец свежий...**», 1931), представляют собой вершину его философской поэзии. К. является наследником поэзии Е. Баратынского, Ф. Тютчева, А. Фета.

В середине 1920-х К. создает романы «**Сахарный немец**» (1925), «**Чертухинский балакирь**» (1926) и «**Князь мира**» (1928) — как части задуманного пятикнижия о «животе и смерти» русского народа. Они приносят автору большую известность и авторитет первоклассного мастера сказовой прозы, идущей по линии Гоголя, Лескова, Мельникова-Печерского. Однако именно они в значительно большей степени, нежели лирика, становятся поводом (несмотря на положительные отзывы о них А. Воронского, В. Полонского, А. Луначарского и в известной мере М. Горького) для травли К. со стороны рапповской критики как «классового врага». В вульгарных статьях «**Россияне**» (1928), «**Певцы кулацкой деревни**» (1930) и в книге «**Кулацкая художественная литература**» (1930) сотрудник Коммунистической академии О. Бескин составляет даже особый «специфику классового лица С. Клычкова», по которому его творчество определялось «как диверсия реакционной (идеалистической, националистической, кулацкой и проч.) идеологии в мировоззрение современника —

строителя социализма». В этих статьях, по словам самого писателя, ему вполне уже определялась роль «литературного смертника». Тщетными оказываются попытки К. защитить себя в двух опубликованных в «Лит. газ.» статьях — «**О зайце, зажигающем спички**» (1929) и «**Свирепый недуг**» (1930).

В 1930-е К. печатается только как переводчик; выходят отмечаемые положительной профессиональной оценкой книги его переводов «**Мадур Ваза Победитель**» (дважды: М.; Л., 1933 и М., 1936), «**Сараспан**» и «**Алабет и Алтынай**» (обе — М., 1936). После выхода последней книги в секретно-политический отдел НКВД поступает от политического редактора Р. М. Бегак доклад с указанием, что образная система книги исходит от «кулацкого самочувствия автора», что цель К. — «дать тезисы контрреволюционной пропаганды», что в ней замаскировано крайнее имя Троцкого (см.: Копылова С. «О «пере», «льве» и гибели поэта» // Лит. Россия. 1991. 4 янв.). Через полгода К. был арестован по обвинению в принадлежности к несуществовавшей антисоветской организации «Трудовая крестьянская партия» и в «антисоветской деятельности» и вскоре расстрелян. По словам Н. Мандельштам, хорошо знавшей К., «он смело и независимо держался со следователем. По-моему, такие глаза, как у него, должны приводить следователей в неистовство... После смерти Клычкова люди в Москве стали как-то мельче и менее выразительны» (Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 278). В 1956 К. был посмертно реабилитирован за полным отсутствием состава преступления.

Соч.: СС: в 2 т. М., 2000; Сахарный немец. Paris, 1982; Князь мира. М., 1985; Чертухинский балакирь. М., 1988; Переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9; Стихотворения. М., 1991; Стихотворения. Ставрополь, 1992; О зайце, зажигающем спички. Свирепый недуг // Русская лит-ра. 1994. № 2.

Лит.: Воронский А. Сергей Клычков. Лунные туманы. 1928 // Воронский А. Избранные статьи о лит-ре. М., 1982; Жуков П. Две встречи с молодым Клычковым // Русская лит-ра. 1971. № 2; Нике М. Краткая хроника жизни и творчества Сергея Клычкова // Клычков С. Сахарный немец. Paris, 1982; Испытание огнем и водой (К роману Сергея Клычкова «Сахарный немец») // Там же; Михайлов А. Творческий путь Сергея Клычкова и революция // Русская лит-ра. 1988. № 4; Клычков Г. Медвяный источник // Наше наследие. 1989. № 5; Субботин С. Свет неизъяснимый // Клычков С. Стихотворения. М., 1991; Солнцева Н. Последний лель. М., 1993; Куняев Ст., Куняев С. Слезы, горечь и страданье смерть возъ-

мет привычной данью... // Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995; Солнцева Н. Сорочье царство Сергея Клычкова // С. Клычков. СС: в 2 т. М., 2000. Т. 1; Пономарева Т. Философские романы С. Клычкова // Русская лит-ра XX в.: итоги и перспективы изучения: сб. науч. трудов. М., 2002.

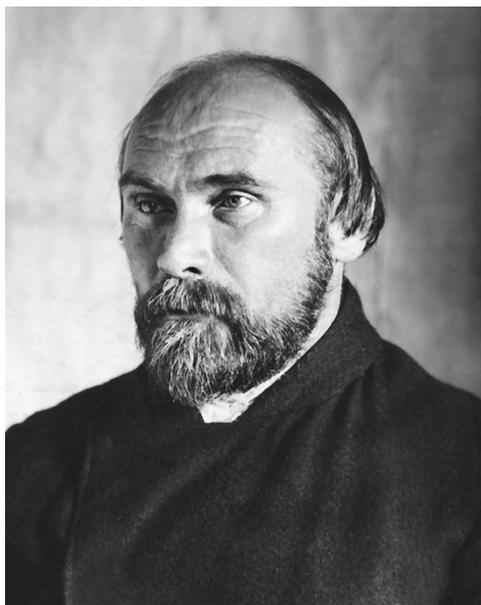
А. И. Михайлов

КЛЮЕВ Николай Алексеевич [10(22).10.1884, Коштугская волость Вытегорского у. Олонецкой губ.— 10.1937, Томск] — поэт, прозаик.

Родился в одной из деревень Коштугской волости. Отец — урядник, получивший должность сидельца казенной винной лавки в д. Желвачево Мокачевской волости Вытегорского у., куда семья переезжает в 1890-е. Мать — из старообрядческого рода, ревностная хранительница традиций «древлего благочестия». От матери будущий поэт получает и своеобразное домашнее образование: «Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка <...>. Я еще букв не знал, читать не умел, а так смотрю в Часовник и пою молитвы, которые знал по памяти, и перелистываю Часовник, как будто бы и читаю». (**Гагарья судьбина** // Север. 1992. № 6). К матери, по признанию поэта, восходят не только истоки религиозно-нравственных основ его личности, но также и его поэтического дара. Была она, как он писал сразу же после ее смерти в 1913 В. Брюсову и В. Мировлюбову, «песельницей» и «былинщицей», т. е. своеобразной стихийной поэтессой.

К. учится в церковно-приходской школе (1893–95), затем в Вытегорском городском училище (1896–97); в 1898 поступает в Петрозаводскую фельдшерскую школу, из которой, проучившись год, уходит. Согласно «автобиографии», в 16 лет по настоянию матери он уходит в Соловки «спасаться» и надевает там на себя «девятифунтовые вериги», затем отправляется оттуда в странствования по скитам и убежищам тайных мистических сект России. В одной из раскольнических общин Самарского края он становится «царем Давидом», т. е. слагателем «песен» на потребу радений тамошнего хлыстовского «корабля». Таково начало поэтического пути К. в полумифическом варианте его автобиографии. Исторически же достоверным началом являются стихи, опубликованные в малоизвестном петербургском альм. «Новые поэты» (1904) и затем в двух московских сб.— «Волны» и «Прибой» (1905), изданных «народным» кружком П. А. Травина, членом которого К. состоял.

Приняв участие в революции 1905 в качестве агитатора от Крестьянского союза

Н. А. Ключев

и поплатившись за это 6-месячным тюремным заключением, К. вступает на путь интенсивных духовных поисков и творческого самоопределения, прокладывая себе тропу к большой поэзии. Провожатым к ее вершинам избирается им А. Блок. К. вступает с Блоком в 1907 в переписку, которая продолжается долгое время. К. придерживается двух целей: во-первых, приобщить себя, «темного и нищего, кого любой символист посторонился бы на улице» (из письма Блоку 5 нояб. 1910), к элите жрецов совр. искусства; а во-вторых, просветить самих этих жрецов, оторванных от национальной жизненной стихии и истинной культуры, духом добра и красоты, исходящих от потаенной народной России, вестником которой он себя осознает. За такого принимает его и Блок, включая фрагменты ключевских писем в свои статьи, а личную встречу с ним в октябре 1911 назвав «большим событием» в своей «осенней жизни» (Дневник. 1911. 17 окт.). В письме к одной из своих корреспонденток Блок даже признается: «Сестра моя, Христос среди нас. Это Николай Ключев» (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 338). В конце 1911 (с указанием — 1912) выходит первая книга его стих. «**Сосен перезвон**». В предисл. В. Брюсова говорилось, что «поэзия Ключева жива внутренним огнем», вспыхивающим «вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным», что у К. «есть строки, которые изумляют».